

• ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ФИЛОСОФИЯ ДРАМАМЫ

Главной причиной малочисленности отряда драматургов, возможно, является исключительная сложность работы в этом литературном «цехе», требующем высокой идейно-художественной подготовки, хорошего знания специфики театра. Сенция драматургии при Свердловской писательской организации насчитывает всего несколько человек. Возглавляет эту группу Владимир Валашов.

Еще недавно В. Валашов был известен свердловчанам как актер театра юного зрителя. В нем он проработал свыше двадцати лет, сыграл более сотни больших и малых ролей. В начале сценического пути об увлечении актера поэзией знали немногие. Да и сам Владимир, окончивший в 1949 году Свердловский театральный институт, не предполагал, что впереди — тот творческий перекресток, который окажется «решающим» для актера и «счастливым» для литератора.

Была мечта: сыграть на сцене юного Пушкина. Но таких пьес тогда еще не создали (они появились позже). И у актера созрела дерзкая мысль: взяться за перо самому. Пьеса «Когда в садах лица...» была поставлена в свердловском ТЮЗе в 1957 г. режиссером А. Мотылем. Роль Пушкина в собственной пьесе исполнял В. Валашов.

Литературная удача. С

нее обычно и начинается вступление на писательскую стезю. С первой пьесой В. Валашов выдержал творческий конкурс в литературный институт имени А. М. Горького. После шести лет заочной учебы он представил в качестве дипломной работы вторую пьесу о Пушкине — «После лица». Илья Сельвинский посвятил этому произведению статью в журнале «Театр» (1963 г., № 3). Он отмечал: «Писать о Пушкине в стихотворной форме рисованно — ведь гениальная пушкинская фраза может уничтожить рядом стоящий авторский текст. Здесь этого не случилось».

Уже в ранних пьесах В. Валашова проявилась его тяга к историческому материалу. Но драматурга не привлекает занятие писателя-иллюстратора. Он стремится выявить

внутренний смысл событий, чтобы расширить «духовный горизонт» нашего современника, приобщив его к почти документальному (и потому более убедительному) исследованию истоков гражданского самосознания личности.

«В борениях рождается характер, в тиши природы зреет интеллект» — эта фраза, произносимая профессором Куницыным в пьесе «Когда в садах лица...», раскрывает и авторский взгляд на главное, что делает человека гражданином.

Могла ли судьба Пушкина сложиться благополучно? Да, если бы юный поэт проникся слепой верой в святых, «духом раблепья», насамандаемым в лице министром графом Разумовским, инспектором Пилецким, профессором немецкой словесности Гауэнцильдом. Но за души воспитанников самоотверженно борются честные люди — директор лицея Малиновский, профессор Куницын, гувернер Иконников и другие. Пушкин и его друзья остаются верны принципам Свободы. Их знания и таланты будут служить не царской бюрократии, а отечеству.

Впрочем, мы знаем: далеко не всегда интеллект и талант получают возможность исполнить свое истинное предназначение. Интересно, что в ситуации, которую предлагает В. Валашов в пьесе «После лица», эта проблема касается не только

Пушкина, но и поэта Жуковского, историка Карамзина. Последние бьются борьбы и ищут самооправдания. Жуковский стремится представить Россию эшафотов как некую идеальную «Аркадию», прибегая к лукавой формуле: «Я люблю свободу, но лишь благоразумную свободу!» А Карамзин пытается замаскировать выгодную ему точку зрения под научную истину: «Рабство есть природой установленный закон. Смягчать законы — вот что нам остается».

Отсутствие гражданского мужества — причина консервативной умеренности этих «интеллектуалов». «Рабский дух» сквозит в словах Жуковского, когда он, в общепринятом, искренно кричит «политику» Пушкину: «Пушкина не дам! Погубите поэта!» Но друзья Пушкина, ограждая поэта от суровых репрессий, в то же время содействуют укреплению в его душе «опасного принципа», который «подрывает корни власти» Александра I. Поэт должен быть гражданином.

Одна из лучших пьес В. Валашова — «Легенда о Паганини» (1965 г.). В ней мало персонажей, но тем яростней выявляется характер каждого, входя как элемент в довольно жесткую философскую структуру произведения. Снова речь идет о назначении таланта и условиях его реализации.

Гениальный сирота Паганини опасен для церковной

идеологии, выступающей в образе аббата Винченцо, потому, что способен заразить окружающих одухотворенным стремлением к любви и красоте. Но тогда люди выйдут из повиновения церкви! И Винченцо, этот неумит-прагматик, средствами «святой лжи» настраивает людей против Паганини, используя невежество одних, человеческие слабости других. Даже красота и духовность, воплощенные в Беатриче, попадают в плен ложного идеала, который есть отречение от жизни. Так обнаруживается, что многое, свойственное человеку, оказывается пособником деспотизма в его борьбе с искусством. И только благодаря творческому подвигу Паганини, опять-таки «бунтарству характера», Паганини сумеет выстоять в этой схватке, вызывая сочувствие простых людей и их желание прийти на помощь. Романтическая драма об итальянском скрипаче ценна и сильна своей антиконформистской направленностью, оптимистической верой в победу творческого начала в каждом человеке.

«Легенда о Паганини», впервые поставленная на латвийской сцене, шла затем в двадцати театрах страны. В Москве она идет до сих пор в театре имени Пушкина. В свердловском ТЮЗе Паганини играл сам автор.

В последующие годы В. Валашов написал ряд новых стихотворных и прозаиче-

ских пьес: «Венок Рафаэля», «Адриенна» (о французской актрисе А. Лекуврер), «Старая ленинградка», «Костер рябиновый» (о Павлике Морозове), «Покушение» (бытовые сцены на рабочей жизни), «Слово кино, товарищ Ваняков!» (о первых строителях Уралмаша) и др. Не все пьесы нашли путь на сцену. Но каждая из них, несомненно, связана с проникновенным драматургом в проблемы жизни, с освоением новых тем, волнующих сегодняшнего читателя и зрителя.

Только что в Средне-Уральском книжном издательстве увидела свет книга В. Валашова, куда вошли две его пьесы. Одна из них — «Преображенцы» — о борьбе за престол между Петром I и его сестрой Софией. Писателя волнуют все те же проблемы творческого, гражданского, нравственного самоопределения человека, но ставятся они здесь более многопланово и углубленно.

Софьей движет простейший человеческий мотив: стремление к личному счастью. Ради его осуществления она готова поступиться интересами государства. Но и «потешные» игры Петра — разве не прихоть? Однако на этой прихоти вырастает мотив преобразования России. Величие личности начинается с того момента, когда она производит в своей душе исторически верную субординацию ценностей.

«Царевна Софья может только править, а Петр, волчок, все перевернуть», — говорит один из бояр. Здесь и реальная оценка событий, и истоки враждебного отношения к Петру не только «верхов», но и довольно широких «низов». Ситуация в драме такова, что именно от народа в конечном счете зависит выбор цари (а точнее — выбор пути, по которому пойдет Россия). Народное мнение неоднозначно, противоречно. Многие боятся и ненавидят Петра, олицетворяющего гражданское самосознание общества.

Стрельцы, посадские, свободные рабочие люди прозревают медлено, трудно, проходят через жестокие страдания, прежде чем их голоса сливаются в дружный хор строителей могучей России. Драма «Преображенцы» несомненно является большим реалистическим завоеванием писателя.

Вступая на порог пятидесятилетия, Владимир Валашов полон новых замыслов. Один из них — пьеса о С. Есенине, над которой драматург неторопливо работает. Его двадцатилетняя плодотворная литературная деятельность — залог того, что мы встретимся с новыми интересными результатами творческого поиска.

Ю. ЛОБАНЦЕВ.

На снимке: В. Ф. ВАЛАШОВ.

Фото В. Степанова.